

Arbeitlosen, zerbröckelnden Häusern, die offensichtlich katastrophale Situation der Rentner und mancher andere Bevölkerungsgruppen, die Armut an allen Ecken und Enden; die winzigen und überbelegten Sozialwohnungen sind heute nicht mehr gratis; die Wohnsiedlungen um die Stadt sind sehr heruntergekommen и т.п.

Обращает на себя внимание, что о социальных проблемах сообщается не безучастно, а очень лично. Особенностью отзывов о России является имплицитно или эксплицитно выраженная мысль, что такие поездки – для специфической категории туристов, которые интересуются этой страной несмотря ни на что: *Es gibt stark gewöhnungsbedürftige Details, etwa die "kreative" Fahrweise der Autofahrer, das kaum abzufangende Verkehrsaufkommen, übervolle Metros, zweiwöchiges Abstellen des Warmwassers in bestimmten Bezirken der Stadt, eigentümliche Einkaufspraktiken oder die überall anzutreffende Prostitution. Wer sich an derartigen Dingen stört, sollte lieber zu Hause bleiben.*

Таким образом, отзывы туристов о поездке в Россию имеют как характерные для этого типа текста черты, так и специфические, типичные именно для отзывов о России. Последние с языковой точки зрения оформляются свойственным им образом (уступительные конструкции), а с содержательной – характеризуют Россию (как центр туризма) не с лучшей стороны.

Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова

“WE ARE SEVEN” В. ВОРДСВОРТА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1830-1840-х гг.

Пензенская государственная технологическая академия

Одно из самых знаменитых стихотворений В. Вордсворта “We are Seven” (“Нас семеро”), вызвавшее немало суровых и иронических оценок в литературных кругах XIX в., было написано в Альфоксдене в 1798 г. Девочку, героиню баллады, Вордсворт повстречал еще в 1793 г. возле замка Гудрич во время путешествия из Альфоксдена в Лентон в сопровождении своей сестры Дороти и друга С.Т. Кольриджа, когда, посетив остров Уайт и долину Сейлсбери, продолжал свой путь вверх по течению реки Уай.

Интересен тот факт, что сначала Вордсворт написал последний стих первой строфы, и только когда стихотворение было почти закончено, он вернулся к его началу, обратившись за помощью к Кольриджу, чей вариант с небольшими изменениями Вордсворта и открывает балладу: “A simple Child // That lightly draws its breath, // And feels its life in every limb, // What should it know of death?” [1: 3; Простодушное дитя, // Которое дышит легко // И живет каждой клеточкой, // Тебе ль о смерти знать?].

Стихотворение, за исключением первых трех строф, представляет собой диалог лирического героя и встреченной им девочки, которая утверждала, что в ее семье семеро детей, хотя двое из них к тому времени уже умерли.

Баллада “We are Seven”, по мнению отдельных критиков, стала символом идейного и художественного падения Вордсворта, обвиненного в проповеди смирения, апологии детского мировосприятия и чрезмерной увлеченности проблемами загробной жизни. Однако при непредвзятом восприятии нетрудно заметить что поэта “волнует не столько вопрос о загробной жизни, сколько различие двух сознаний: логически-рассудочного, трезвого сознания взрослого и наивно-мифологического, интуитивного детского сознания, которому свойственна не столько мистика, религиозность, сколько непосредственно-чувственная предметность” [2: 31]. В восприятии девочки душа и тело человека не существуют отдельно друг от друга, более того, она не может понять смерти как уничтожения однажды возникшей жизни. Следовательно, умереть для нее значит уйти, переместиться в пространстве, но не измениться качественно, не разорвать своих связей с миром живых. Для нее нет разницы между отплытием братьев на корабле и уходом брата и сестры в могилу.

Удивляясь упорству девочки, автор вместе с тем всем эмоциональным настроением стихотворения вносил оттенок сожаления по поводу того, что сам он уже не может разделить с ней этой искренней веры. По наблюдению И.Г. Гусманова, именно в этом и состояла “тоска романтика по утраченной цельности мировосприятия” [2: 32]. Поэтическая сила этого стихотворения Вордсворта объясняется гармонией содержания и формы. Простота, естественность маленькой героини с ее светлым взглядом, непосредственностью, привязанностью к природе, кладбищу, дому, с ее любовью к близким и верой в бессмертие этой любви подчеркнуты безыскусностью стиха Вордсворта. Вероятно, английский поэт сознательно использовал неполную в духе народной баллады рифмовку четверостиший, избегая внутренних рифм. И только один раз, в момент кульминации, в десятой строфе, когда девочка, потеряв терпение, с искренним недоумением объясняла взрослому, что умершие брат и сестра никуда не делись, что они рядом, появлялась внутренняя рифма: “Their graves are green, they may be seen” [1: 4; Их могилы зелены, их можно видеть]. Внезапно напряжение исчезло, девочка спокойно рассказывала о своей жизни, – и только в последних словах поэта возникала характерная нота отчаяния и восхищения, поскольку становилось ясно, что девочку не удастся переубедить.

Баллада Вордсворта, вызвавшая интерес русских поэтов и переводчиков XIX в., была в 1832 г. переведена И.И. Козловым и опубликована в книге “Собрание стихотворений Ивана Козлова” (СПб., 1833). Перевод Козлова близок английскому оригиналу образностью, характерными интонациями, формой построения и сохранением размера и общего количества строк. Немногочисленные изменения, внесенные в текст переводчиком, несущественны и в целом не изменяют основную идею произведения, однако все же следует отметить их.

Так, в интерпретации Козлова из пятой строфы исчезла мысль, выраженная фразой “I pray you tell” (Молю тебя, скажи); Конуэй (“Conway”), порт в Северном Уэльсе, стал селом; неопределенное дерево на кладбище (“the church-yard tree”) при переводе оказалось ивой; расстояние от дома до могил было сокращено от “12 шагов или больше” (“twelve steps or more”) до десяти, а неизвестная пища девочки на ужин, охарактеризованная Вордсвортом лишь как “маленькая миска” (“little porringer”), предстала на русском языке как “сыр и хлеб”.

Пожалуй, только третья строфа данного стихотворения была относительно существенно переработана переводчиком: “И дик был вид ее степной, // И дик простой наряд, // И радовал меня красой // Малютки милой взгляд” [3: 211]. Согласно русскому переводу девочка живет в степи (хотя, как известно, в Англии нет степей), у нее дикий вид и дикий наряд. Однако в оригинальном произведении Вордсворта девочка живет в лесистой местности и выглядит совсем иначе: “She had a rustic, woodland air, // And she was wildly clad: // Her eyes were fair, and very fair; // Her beauty made me glad” [1: 3; У нее был вид жителя деревни, расположенной в лесистой местности, // Она была в растрепанной одежде. // Ее глаза были красивые и очень честные, // Ее красота обрадовала меня]. Как видим, перемещая место действия из лесистой местности в степь, переводчик несколько русифицировал текст, поскольку, как известно, в Англии, нет степей. Вместе с тем подчеркивались незаурядность, оригинальность, самобытность героини, дочери степей, подобной романтическим цыганкам из произведений современников Козлова.

Позднее это же стихотворение было переведено другим русским писателем, выдающимся литературоведом Я.К.Гротом и опубликовано в детском журнале “Звездочка”, издававшемся А.О.Ишимовой (1843, ч.6). Вероятно, Грот был знаком с переводом Козлова, на что указывает предельная близость интерпретации одиннадцатой строфы: “My stockings there I often knit, // My kerchief there I hem, // And there upon the ground I sit – // I sit and sing to them” [1, с.4; Чулки там я часто вяжу, // Платок там я подрубаю, // И там на земле я сижу – // Я сижу и пою им] – “Я часто здесь чулки вяжу, // Платок мой здесь рублю, // И подле их могил сижу, // И песни им пою” (И.И.Козлов [3: 212]) – “Там часто я чулок вяжу, // Или платочек свой рублю; // Там под березкой я сижу // И братцам песенки пою” (Я.К. Грот [4: 30-31]). Как видим, Я.К. Грот говорил об умерших “братцах”, хотя известно, что на кладбище похоронены брат и сестра героини.

Особо ценимая поэтами “озерной школы” “простота” (“a simple child”) получила отклик у Я.К. Грота, будучи отождествленной с счастьем, беззаботностью, игривостью: “...Как счастливо дитя! // Как беззаботно, как резво! // В нем жизнь играет и кипит; // Смерть непонятна для него” [4: 29]. В описании девочки Вордсворт уделил основное внимание волосам и глазам ребенка, тогда как Грот упомянул еще румяное лицо и сравнил ее с ангелом: “Her hair was thick with many a curl // That clustered round her head. //

She had a rustic, woodland air // And she was wildly clad: // Her eyes were fair, and very fair; // – Her beauty made me glad” [1: 3; Ее волосы были густы со множеством кудряшек, // Которые вились вокруг головы. // У нее был вид жителя деревни, расположенной в лесистой местности, // Она была в расстрепанной одежде, // Ее глаза были красивые, очень красивые, // Ее красота обрадовала меня] – “...она // (Хоть в бедном платье) была, // Как ангел, прелести полна. // У ней кудрявы волоса, // Румяно личико у ней, // И что за яркие глаза! // От них мне стало веселей!” [4: 29]. К тому же Грот использовал самые разнообразные обращения к девочке “крошка”, “малютка”, “душенька”, “светик” вместо “little (sweet) Maid (Maiden)” у Вордсворта, а также выстраивал восклицательные синтаксические конструкции (“...Как счастливо дитя!”, “Как беззаботно, как резво!”, “И что за яркие глаза!”), призванные показать восхищение автора красотой и непосредственностью ребенка.

В интерпретации Грота девочке не восемь, а шесть лет: “She was eight years old” – “Ей был седьмой лишь год”; порт Конуэй (“Conway”) не упоминается: “And two of us at Conway dwell” – “Живут два брата у родни” <хотя у Вордсворта не сказано, что девочка имеет в виду братьев>; неопределенное дерево на кладбище становилось у Грота березой: “Beneath the church-yard tree” – “Там под березкой я сижу”; расстояние до могил изменилось – вместо двенадцати шагов от материнского дома стало пять шагов от дороги: “Twelve steps or more from my mother’s door” – “Вон от пути шагах в пяти”. Также Грот расширил рассказ девочки за счет описания ее летних занятий у могил, но при этом совершенно не упомянул о ее зимних увлечениях: “So in the church-yard she was laid; // And when the grass was dry, // Together round her grave we played, // My brother John and I. // And when the ground was white with snow, // And I would run and slide” [1: 4-5; И положили ее на кладбище; // И когда трава была сухая, // Вместе у ее могилы мы играли, // Мой брат Джон и я. // И когда земля стала бела от снега, // И я бегала и каталась] – “Зарыли гроб ее; над ним // Цветочки после я рвала, // И с братом маленьким моим <Грот не переводит имени брата, хотя имя сестры у него переведено “Jane” – “Дженни” как у Козлова> // Все лето там венки плела. // Пришла зима: уж брат не мог // Играть по-прежнему со мной” [4: 31]. Все это свидетельствует о стремлении переводчика адаптировать оригинальное произведение к российской действительности посредством активного использования вариативных лексических возможностей русского языка.

Библиографический список

1. Wordsworth, W. We are Seven // The Golden Treasury of the Best Songs and Lyrical Poems in the English Language. – London, 1934. – 668 p.
2. Гусманов, И.Г. Лирика английского романтизма / И.Г. Гусманов. – Орел, 1995. – 216 с.

3. Козлов, И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Козлов. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 508 с.

4. Грот, Я.К. Стихи и проза для детей / Я.К. Грот. – СПб.: Товарищество А.Д. Ступина, 1891. – 80 с.

И.В. Седина

ПУТЕШЕСТВИЯ И КОМАНДИРОВКИ РОССИЯН В ЕВРОПУ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Мордовский государственный университет

Предлагаемая типология поездок русских людей в XVIII веке по Западной Европе является одним из малоизученных феноменов русских культурных связей с Европой. Она отражает упорядоченную политикой власти, общественной мыслью и личными интересами систему человеческих контактов, посредством которых и происходил как обыденный, естественный, так и сознательно направляемый культурообмен. Данная статья представляет собой попытку использовать факты многочисленных, практически необозримых контактов россиян с иностранцами за рубежом, как новый и не всегда прямой источник, прежде всего, по вопросу о степени владения россиянами иностранными языками (далее ИЯ).

Перед нами стоит задача описать поводы пребывания россиян за рубежом, т.е. дать типологию культурно-языковых контактов, в которых реализовывалась и совершенствовалась иноязычная подготовка россиян. Речевые контакты образованных россиян с иностранцами топонимически делятся на две группы: контакты за границей и на российской территории. В данной статье рассматривается только первый вид культурно-языковых контактов. Систематические, периодические и разовые выезды за границу по делам гражданской службы, поездки с целью учебы в университетах, путешествия, пребывание в Европе в составе российской армии, просто жизнь за границей становились важными фактами биографий многих россиян, очной формой приобщения к европейским ценностям, с последующим их критическим осмыслением или некритичным приятием. Поводы пребывания россиян за границей были разные: 1) военная или гражданская служба, целью которой было освоение той или иной гражданской или военной специальности; 2) собственно учеба в европейских университетах, реже в военных училищах; 3) служебные командировки; 4) путешествия; 5) свободное проживание за границей. В рамках одного выезда за границу отдельные поводы могли совмещаться.